

ИСТОРИОГРАФИЯ ЭТНОГЕНЕЗА САХА: ОБЗОР НАУЧНЫХ ГИПОТЕЗ И ВЕРСИЙ

Историография этногенеза саха насчитывает более 300 лет. Зарубежных и отечественных путешественников всегда интересовало происхождение тюркоязычных скотоводов на Крайнем Севере. Историография изучения вопроса в царской России и фольклорные сведения вместе с востоковедческим исследованием получили популярное изложение в знаменитом труде Г. В. Ксенофонтова «Ураанхай сахалар». Вопросами этногенеза саха занимались крупнейшие ученые, видные тюркологи В. В. Радлов и О. Н. Бетлинг, археолог А. П. Окладников и этнографы Б. О. Долгих и С. А. Токарев. Комплексное исследование изучаемой темы получило отражение в трудах И. В. Константинова и А. И. Гоголева с широким охватом всего комплекса археологических и этнографических данных по народу саха. Обширная историография проблемы, включающая в качестве этнических предков саха различные племенные группы Центральной Азии, позволяет оперировать сведениями из письменных источников. Эти данные предполагают миграции с территории Байкала и Южной Сибири различных этносов, носителей этнонимов саха, ураанхай, тумат, боотулу, байагантай, хоро и участие их в этногенезе народа саха на Средней Лене.

Ключевые слова: происхождение якутов, этногенез, археология Якутии, изучение якутского языка, историография.

По вопросу происхождения саха существует обширная литература. В ходе изучения этногенеза саха были высказаны самые различные версии, связывающие предков этноса с разными древними и средневековыми этносами. Советскими и российскими историками достигнуты определенные результаты в изучении этнической принадлежности древних и средневековых этносов Центральной Азии и Сибири. Поэтому у нас имеется отличная возможность сравнивать различные гипотезы о происхождении саха с современным состоянием изучения этнической истории тюрко-монгольских народов.

Целью статьи является анализ основных версий и гипотез по этногенезу саха, имеющему богатую историографию за 300 лет изучения вопроса. Актуальность исследования заключается в изучении правомерности сведений историографических версий по этногенезу саха. Практическая значимость работы состоит в том, что изложенные в ней версии по происхождению саха могут ини-

цировать дальнейшие научные изыскания по поиску этнокультурных связей саха с народами Центральной Азии и Сибири. Итоги объективного изучения темы предполагают выход на изучение ранней этнической истории народа саха.

В 1692 г. в Амстердаме была издана работа, заложившая начало южной, миграционной теории происхождения саха – суть выдвинутой ее автором Н. Витзенем версии сводится к указанию на вытеснение бурятами предков саха с территории Байкала [Иванов, 1978]. В заслугу этому голландскому автору можно поставить введение в научный оборот сведений из фольклорных источников саха XVII в.

Пленный офицер шведской армии Ф. Страленберг еще в XVIII в. указал на принадлежность языка саха к тюркским или, как тогда считалось, к татарским языкам [Strahlenberg, 1730].

Участник Великой северной экспедиции 1733–1743 гг. Г. Ф. Миллер также занимался вопросами происхождения сибирских наро-

дов. По его утверждению, предки саха жили в соседстве с монголами и бурятами и вынуждены были уйти в результате неудачных войн. Как считал ученый, в Монголии до возвышения Чингиз-хана преобладали тюркоязычные племена [Миллер, 1937]. Таким образом, он впервые обратил внимание на сведения якутского фольклора, связывающие этот этнос с территорией Забайкалья и Монголии периода возвышения Чингиз-хана. В путевых записях Г. Ф. Миллера, в так называемых «Портфелях Миллера», сохранились сведения о тотемных верованиях и племенном самосознании представителей различных якутских родов [Элерт, 2001]. Согласно им, основная часть родов саха в XVIII в. входила в состав двух племенных образований: хоринцев и батулинцев, имевших тотем орла. Намцев с тотемом лебедя он отнес к отдельной группе; к тому же только у них имелись божества Татаар-Тайма и Могол-Тойон [Там же]. Таким образом, записи Г. Ф. Миллера свидетельствуют об изменении родоплеменного состава саха за прошедшие два века. Все они требуют научного анализа.

Другой участник Камчатской экспедиции – Я. И. Линденау, на основе сведений, полученных от информаторов из числа саха, пришел к мнению о формировании единого этноса саха на территории Байкальского региона. Переселение саха на среднюю Лену под предводительством Баджея – деда Тыгына, к приходу русских властвовавшего над родами саха, происходило во второй половине XVI в. [Линденау, 1983. С. 176]. Исследователи следующих веков, искавшие следы пребывания предков саха на территории Байкала, ориентировались на сведения Я. И. Линденау как пересказ фольклорной версии XVIII в. о прародине саха.

Основоположником енисейско-минусинской гипотезы считается Н. Ф. Остолопов. Ему принадлежит высказывание о родственности саха с сагайцами Красноярского края. Этнический состав саха он разделил на три поколения, по именам легендарных прародителей – Омогоя (батулинское), Эллэя (кангаласское) и Хоро (бурятское) [Остолопов, 1806]. В XIX в. енисейская теория происхождения саха получила большое распространение. Этой точки зрения придерживались Н. С. Щукин [1844. С. 273–274], Н. А. Костров [1878. С. 130], П. Кларк [1864. С. 139–140], барон И. Майдель [Baron Mau-

dell, 1896]. Из их трудов выходит, что саха XIX в. считали своей прародиной Енисей, а Байкал они рассматривали как промежуточный этап при переселении на среднюю Лену.

В материалах участников экспедиции И. Биллингса, говорится о том, что «Омогой-бей, начальник батулинского поколения, пошел с народом своим и с табунами через землю бурятскую...к берегам р. Лены» [Этнографические..., 1978]. Н. А. Аристов также писал, что, по фольклорным данным саха, татарин из племени саха по имени Омогой или Эллэй мигрировал из Красноярска на Лену; этот автор связывал их с сагайцами. Он указывал на близость этого названия с именем саков, которых относил к древним тюркам [Аристов, 1896].

Д. А. Кочневу и В. Ф. Трошанскому принадлежит обоснование уранхайской гипотезы происхождения саха. В. Ф. Трошанский связывал саха с лесными уранхайцами Рашид-ад-дина, тем самым указывая на этническое родство саха с урянхайцами-туба [1902. С. 12–17]. Д. А. Кочнев указывал в качестве прародины саха Туркестан, связывая их с древними уйгурами, иным названием которых выступало слово *уранхай* [1896].

В надписи на памятнике в честь Кюль-Тегина было прочитано упоминание о делегации племени уч-курыкан, прибывшей на его похороны. Был сделан вывод, что курыканы – это гулиганы китайских летописей; В. В. Радлов же пришел к мнению, что под гулиганами подразумеваются саха [Radloff, 1908].

По В. В. Радлову, самоназвание «саха-ураанхай» имело смысл как «пограничные уранхай». Лесные уранхайцы, по его мнению, первоначально не принадлежали ни к туркам, ни к монголам [Ibid.]. Как считал исследователь, предки саха относились к «племенам неизвестного происхождения», подвергшегося монголизации, потом отуречиванию. В. В. Радлов – основатель версии, относящей саха к монголоязычным народам, подвергшимся тюркизации.

Лингвист О. Н. Бетлингк высказал мнение о большей древности образования якутского языка и народа. По его мнению, саха являются потомками крупного тюркского народа. Так, он считал, что единый «пратюркский» язык сначала разделился на две ветви – турецкую и якутскую [1990]. Заслу-

гой О. Н. Бетлингк является тезис о глубокой древности или исконности тюркского ядра якутского языка.

В советское время к разработке проблем этногенеза народа саха стали активно привлекаться конкретные данные по этнографии, археологии, языку, фольклору и истории. Уже в 20-е г. XX в. началось научное изучение древней истории и этнографии коренных народов советских республик, в том числе и Якутии.

Н. Н. Козьмин не только отождествил гулиганей с курыканами, но и вероятным считал предположение, что они идентичны древним саха [1928]. Указывая путь переселения саха из долины Енисея на Ангарау, он объяснял данный момент экономическим и торговым кризисом в стране хакасов. По его мнению, сохалар-гулигане прожили около Байкала до начала XIV в., когда с востока из-за Байкала проникли буряты и вытеснили их на север, на Лену. Именно Н. Н. Козьмина можно считать основателем гипотезы о курыканском происхождении саха.

В 20-х гг. иркутский профессор Б. Э. Петри открыл археологическую культуру «курумчинских кузнецов» раннего железного века в Прибайкалье. По его мнению, эти археологические памятники связаны с происхождением саха [1923]. Б. Э. Петри удалось надолго связать проблему изучения этногенеза саха с курумчинской культурой. Якутский краевед Е. Д. Стрелов, занимавшийся раскопками древних якутских могил, написал статью с контраргументами, где сделал вывод, что работа профессора Б. Э. Петри является ложной вехой в этнографической литературе, посвященной саха [Стрелов, 1926].

Первую монографию, посвященную происхождению народа саха, выпустил в 1937 г. Г. В. Ксенофонтов. При решении этой задачи он использовал в основном огромный фольклорный материал наряду с историческим (востоковедческим). Автор подверг подробному научному анализу историографию вопроса, выделил теоретические подходы к решению этногенетических процессов. По его сложной теории сначала происходило переселение на Вилюй уранхайцев (оронкон-ураныкааны), представляющих собой потомков отуреченных тунгусских племен и гуннов с примесью монголов и тюрков. Вторыми на Вилюй переселились в VII–VIII вв. скотоводы «гули-

гань» или «уч-курыкан». Народ «саха» уйгурского происхождения – предки саха Центральной Якутии, переселились на Лену из Прибайкалья в IX–XII вв. [Ксенофонтов, 1992]. Тем самым утверждалась версия о раннем проникновении предков саха в различные районы Якутии, хотя при этом ее автор вступил в противоречие с данными исторической науки. Так, обычно считается, что вилюйские и северные саха появились в результате слияния потомков переселенцев из центральных улусов Якутии и местных автохтонных племен тунгусов и юкагиров. Г. В. Ксенофонтов отделяет вилюйских саха от центральных, приходя к выводу о преобладании в составе первых впоследствии обьякученных эвенков. Таким образом, он как бы связывает ранний этап этногенеза саха с проблемой проникновения и распространения эвенков по Якутии как пришельцев из более южных районов. Его выводы и гипотезы свидетельствуют о том, что автор был прекрасно знаком с трудами востоковедов своего времени. Например, он у них мог принять гипотезу, связывавшую хуннов с эвенками, или известие о бегстве последнего уйгурского кагана к племенам да-шивей, по мнению историков населявших территорию Южной Якутии [Кюннер, 1961].

Г. В. Ксенофонтов сделал чрезвычайно много для изучения историографии происхождения саха, сбора фольклорных источников и высказал ряд смелых гипотез, не потерявших свою актуальность до наших дней. Например, автор уделял особое внимание племенам хори-тумат, ойрат, баргут [1992].

Известный якутский поэт и партийный деятель П. А. Ойунский, на основе интерпретации некоторых топонимов и антропонимов эпоса олонхо выдвинул гипотезу об исходе предков саха из степей вокруг Аральского моря [1928]. Так, Араат Байгал – обозначение южного моря богатырей «ураанхай-саха», в олонхо отождествляется им с Аральским морем, предки Элэя Аргын и Айаал – с казахским этнонимом аргын и аялы среди сибирских татар и т. д. В заслугу П. А. Ойунскому можно поставить обращение к материалам эпоса олонхо как важного источника.

П. А. Ойунский попытался дальше развить гипотезу, выдвинутую известным казахским историком М. Тынышпаевым, о связи саха с кереитским племенем – саха-

эт. В подтверждение своей версии он приводил параллели с монголами в мифологии, в эпосе, в языке, в материальной культуре саха [Ойунский, 1962]. Следует указать, что керейтская версия происхождения саха опирается лишь на сходство этнонимов и не имеет опоры в археологическом и этнографическом материале.

Автором автохтонной теории, связывающей формирование саха с процессом медленного просачивания с юга (с территории Прибайкалья, а также верховья Амура) скотоводческих элементов и постепенной тюркизации местного населения, считается С. А. Токарев [1941; 1945]. Ему принадлежит заслуга переориентации направления поисков прародины саха на современную территорию обитания, где происходил процесс его этногенеза в результате слияния пришлых и местных элементов.

А. Н. Бернштам в «гу-ши» Танских источников, идентичных с «да-мо» (дахань), видел китайское обозначение предков саха и тунгусов. Отсюда вытекало, что предки саха и тунгусов уже в VI–VII вв. занимали те же земли, которую занимают сейчас [Бернштам, 1947. С. 63–65]. Данное мнение, считающее саха жителями территории Якутии еще с древнетюркской эпохи, согласуется с архаичностью культуры и языка саха, в котором сохранилось очень мало материалов, показывающих знакомство их с эпохой Монгольской империи.

Первый комплексный подход к решению проблем происхождения саха применил академик А. П. Окладников. В работе, посвященной древнему этапу истории Якутии, он использовал данные фольклора, языка, этнографии, археологии и иные. Ему удалось связать археологические памятники курумчинской культуры с предками саха, которых в средневековых письменных источниках называли курыканами или гулиганами. А. П. Окладников практически во всех областях якутской этнографии и археологии был первооткрывателем – так, он является автором научной гипотезы о южном происхождении якутского эпоса олонхо, преобладании монгольских слов в якутских терминах оседлого скотоводства и тюркского происхождения – в социальной и общественно-политической сферах жизни саха. Им были открыты скотоводческие поселения на средней Лене, названные культурой «малых домов» и «кыргыс-этехов». По мнению это-

го автора, последняя волна предков саха, считавшая себя потомками Эллэя (кангаласцы), только в конце XV или в первой половине XVI в. с верхней Лены вышла в район средней Лены. В дальнейших трудах по изучению этногенеза, особенно в научно-популярных книгах в постсоветский период, можно встретить интерпретации основных положений его многочисленных статей и монографий по данному вопросу [Окладников, 1955].

Германская исследовательница У. Йохансен на основе анализа орнаментов в древнеалтайских археологических находках и их сопоставления с современным якутским орнаментальным искусством связала этно- и культурогенез саха с пазырыкской культурой Горного Алтая V–III вв. до н. э. [Johansen, 1954]. Ее наблюдения в области якутского орнаментального искусства можно дополнить сравнением пазырыкского костюма и якутской женской одежды, где также имеются параллели [Полосьмак, 2001].

Оригинальный взгляд на проблему имел сибиревед Б. О. Долгих. Предками саха он считал бурятское племя эхиритов на верхней Лене – по его мнению, они ушли вниз по Лене. Этническим ядром саха он считал кангаласцев, связывая их с эхиритским родом хэнгелдур. Им был сделан вывод, что имя «тумат» в архивных документах XVII в. употреблялось в качестве обозначения якутского населения, платившего ясак в Средневилюйском зимовье [1960. С. 44]. Б. О. Долгих подробно исследовал родовой состав якутского народа, важное значение для изучения этногенеза этого этноса имеют его данные по численности и расселению коренных народов Якутии в XVII в.

После А. П. Окладникова в 60–70-х гг. проблемой происхождения саха занимался сотрудник ИЯЛИ, археолог И. В. Константинов. Его исследование представляется комплексным, поскольку предпринята попытка обобщить данные наук, имеющих отношение к изучению этногенеза саха. По его мнению, переселение саха на среднюю Лену происходило примерно в XV в. как переселение довольно компактной этнической группы, представлявшей вполне сложившуюся этническую общность. Им был сделан вывод о том, что саха и булагаты некогда составляли единое племя, разделившееся на две половины. Археолог приводит антропологические, лингвистические мате-

риалы, согласно которым предки саха в Прибайкалье, проживая вместе с бурятами, испытывали взаимное влияние. Об этом свидетельствуют также фольклорные данные и параллели в материальной и духовной культуре [Константинов, 1975; 2003].

И. В. Константинову принадлежит заслуга изучения «погребений с конем» на территории средней Лены, которые он связал с Усть-Талькинским и Сэгенутским могильниками Прибайкалья, также изученными им в ходе экспедиционной поездки. По его утверждению, в Прибайкалье в эпоху монголов появились новые тюркоязычные племена, занесшие в бассейн верхней Лены обычай закапывать умерших вместе с конем [1970; 1971. С. 182–184]. Таким образом, И. В. Константинов – первый советский ученый, предполагавший возможность связи этногенеза саха с племенами раннемонгольской эпохи.

А. И. Гоголев пазырыкскую культуру считает стартовой площадкой для этногенеза и формирования якутской этнокультуры. В имеющихся параллелях материальной и духовной культуры саха с материалами скифо-сибирской эпохи в Южной Сибири он усматривает наличие индоиранского субстрата в этногенезе саха. По мнению А. И. Гоголева, в древнетюркскую эпоху предки саха были представлены курыканами. В этногенезе саха прослеживается участие второй тюркоязычной группы с кыпчакским наследием. Считается, что эти племена, придерживавшиеся обряда погребений с конем, окончательно определили культуру и язык саха. Таким образом, А. И. Гоголев является автором гипотезы об участии кыпчаков в этногенезе саха [1993]. Однако с исторической точки зрения до сих пор неясным представляются пути и время проникновения носителей кыпчакских элементов на среднюю Лену. Кыпчакский компонент А. И. Гоголев связывает с кангаласцами, отождествляя их с канглы, имеющимися в составе казахов и других народов кыпчакской принадлежности.

Выделение А. И. Гоголевым скотоводческой кулун-атахской культуры XIII–XV вв. на средней Лене является переломным этапом в научном изучении времени и места формирования народа саха. В кулун-атахской культуре появляются плоскодонные керамические сосуды, размер строений увеличивается, и они приобретают форму бала-

ганов с пристроенными к ним хлевами-хотонами. Обильный остеологический материал свидетельствует о разведении кулун-атахцами лошадей и коров [Гоголев, 1990; 1993].

В монографиях А. И. Гоголева комплексный подход к изучаемой проблеме является преобладающим, им собраны практически все сведения, имеющие отношение к данному вопросу, будь то вопрос происхождения якутской лошади или жилища-балагана. Превосходное знание материальной культуры саха позволило ему провести сопоставительный анализ элементов якутской этнокультуры с бурятами и тюркоязычными народами Южной Сибири. Этот исследователь является ярко выраженным сторонником южной теории происхождения саха [Гоголев, 1993. С. 111]. Безусловно, фундаментальные труды А. И. Гоголева, выполненные на стыке археологии и этнографии, будут служить базовым ориентиром для последующих исследований не только вопросов этногенеза и формирования якутской этнокультуры на средней Лене, но и тюркских народов Южной Сибири.

Отдельные вопросы интересующей нас проблемы затрагивали в своих исследованиях филологи, фольклористы, антропологи, работы которых имеют определенное историографическое значение. Некоторые из них выдвинули собственные оригинальные гипотезы. Так, Е. С. Сидоров – филолог и ориенталист, связывает самоназвание «саха» с племенами сахарча или сахалынь, упоминаемыми в связи с маньчжурскими походами в Приамурье в начале XVII в. Он указывает, что в средние века в маньчжурском языке термин *сах* означал понятия «охота», «травля зверей», «облава», а термин *сахалынь* – «черный», «север», «весьма темный» [1984. С. 41–42]. Заслугой Е. С. Сидорова являются обращение к китайским источникам и попытка их интерпретации, а также поиск родственных слов из словарного запаса саха в словарях разных народов мира – старомонгольском, санскрите, маньчжурском, корейском и японском. Безусловно, такие поиски объективно интересны для изучения истории якутского языка и позволяют говорить о его корнях.

Е. И. Убрятова выдвинула тезис о том, что якутский язык сложился в процессе распространения в иноязычной среде какого-то древнего тюркского языка, близкого языку

орхонских тюрок. Среди предков саха, эвенков (тунгусов) и какого-то монголоязычного племени, проживавших в непосредственном общении на территории Центральной Якутии, существовало фактическое многоязычие [1985. С. 47–48]. Труды Е. И. Убрятовой имеют весьма важное значение для изучения происхождения якутского языка, следовательно, и этноса.

Археолог А. Н. Алексеев попытался усилить аргументы в пользу преимущественно местного происхождения саха. Он придерживается мнения о том, что отуреченные в результате миграции небольших групп пришельцев из южных районов палеоазиат, проживавшие на территории средней Лены с незапамятных времен, являются основными предками саха [1996]. По его мнению, открытые А. П. Окладниковым «малые дома», датируемые XIII в., являются самостоятельной культурой, переходной от раннего железного века к кулун-атахской культуре. Люди, оставившие памятники культуры «малых домов», считаются охотниками и рыбаками, постепенно переходившими на занятия скотоводством [Алексеев, 1994. С. 67]. Тем самым А. Н. Алексеев доказывал возможность участия автохтонного населения Якутии в этногенезе якутского народа.

Ф. Ф. Васильев впервые попытался научно обозначить присутствие уральского и амурского компонентов в процессах этногенеза саха. Раннеякутский этап этногенеза, датируемый второй половиной XIII – XIV в., связан с племенами кыргыс, хоро, тумат и выделяется им как ранний, кыргысский пласт. С кангаласцами – носителями культуры погребений с конем, связан финальный этап этногенеза саха, для него характерна консервация кимако-кыпчакских элементов [1995]. Таким образом, концепция этого исследователя предполагает формирование на средней Лене сложносоставного этноса, имеющего различные истоки, в том числе происходящие с Амура и Западной Сибири.

Заслуга монографического исследования погребальных обрядов саха принадлежит Р. И. Бравиной. Ею был сделан вывод, что по своим конструктивным особенностям и строительным приемам погребальные сооружения саха близки пазырыкским погребениям. Обряд трупосожжения она связывает с племенем кыргыс (кыргызы), а также с

курумчинцами-куруканами [1996. С. 165–167]. Таким образом, Р. И. Бравина и Ф. Ф. Васильев развивают выводы А. И. Гоголева об участии пазырыкцев и кыпчаков в этно- и культурогенезе саха.

А. М. Малолетко на основе сведений якутского фольклора о ранних насельниках края – хара-саһыл, туматах и кыргысах, позволяющих связывать их с этнонимами саяно-енисейских тюрок, выдвигает гипотезу о ранней тюркизации Якутии. По его мнению, этногенез саха связан с проникновением с Амура представителей гуннского племени тоба [2004. С. 148].

Вопросами этнического происхождения племенных групп, имеющих отношение к происхождению саха, активно занимаются бурятские ученые. Так, Ц. Б. Цыдендамбаевым установлено, что в архивных документах XVII в. хоринские буряты подразделялись на «батулинцев и коринцев». При этом он приходит к выводу, что батулинцы могли быть тюркоязычными и этнически связанными с предками саха, а хоринцы – монголоязычными, имевшими культ собаки [1972]. По мнению Г. Н. Румянцева, эти фратрии хори восходят к двухплеменному объединению хори-туматов XIII в. [1962].

Принадлежность курумчинской культуры к курыканам, в процессе дальнейшего изучения курумчинской культуры бурятскими и иркутскими археологами была подвергнута сомнению с их стороны. Во-первых, дискутируется этническая принадлежность курумчинской культуры и в последнее время поставлена под сомнение сама возможность объединения археологических культур на территории Прибайкалья и, отчасти, Западного Забайкалья второй половины I тыс. н. э. в рамках единой курумчинской культуры [Харинский, 2001]. Во-вторых, отрицается связь курыкан с курумчинской культурой. По утверждению А. В. Харинского, географически эти термины не совпадают [Там же. С. 14]. По результатам археологических исследований Б. Б. Дашибалова курумчинская культура связывается с Дальним Востоком, с Маньчжурией и Кореей и, по его предположению, принадлежит хори-шивзям [2003]. В-третьих, можно поставить под сомнение проблему этногенетической связи курыкан с саха. Например, Б. Д. Нанзатов этноним *курукан* воспроизводит от слова *qorïʻan* ~ *qurïʻan* со значением «стан, военный ла-

герь» в древнетюркском словаре. Следовательно, термин курыкан связывается с понятием «гарнизон, городище». В таком ключе представление о них, как о предках саха, является довольно спорным.

По мнению иркутского археолога В. С. Николаева, усть-талькинская археологическая культура XII–XIV вв. Южного Приангарья принадлежит тюркоязычным туматам, мигрировавшим в конце XI в. в Предбайкалье с предгорий Саяно-Алтая. Выводы автора об этнокультурной связи туматов с кимако-кыпчакским союзом племен и мнение о ключевой роли туматов в этногенезе саха представляют значительный интерес для исследователей [2004]. Точка зрения В. С. Николаева, отождествляющего этнических предков саха с туматами, является довольно нестандартным подходом, если обратиться к историографии вопроса. Так, туматы считаются средневековыми обитателями территории Тувы (отождествляются с дубо) и предками тувинцев. В исследованиях бурятских ученых хори-туматы предстают как этнические буряты, вокруг которых образовался бурятский этнос [Нимаев, 2007].

В последние годы к исследованиям по данной проблеме присоединились специалисты-генетики. Так, сходство структуры генофонда саха и эвенков объясняется общностью их происхождения из единой предковой популяции. При этом предполагается, что на территории Якутии – с включением территории Забайкалья (выборка эвенков сформирована из тех мест), существовала популяция, генофонд которой характеризовался очень высокой частотой гаплогрупп N3a с весьма своеобразным спектром гаплогрупп. Следовательно, эти популяции подверглись ассимиляции со стороны тунгусов, а потом более поздних тюркоязычных мигрантов [Харьков и др., 2008. С. 234–235]. С. А. Федорова утверждает, что по составу линий мтДНК и Y-хромосомы установлены тесное генетическое родство между центральными и вилуйскими саха, большая генетическая близость популяций саха к эвенкам, отдаленность саха от юкагиров [2008a]. Пул линий Y-хромосомы характеризуется крайне низким уровнем разнообразия, при этом популяция саха с ярко выраженным эффектом родоначальника составляет подавляющую часть коренного населения Якутии. Имеются также гаплогруппы

Q и C3*, характерные для аборигенных популяций Америки [2008b. С. 189]. Таким образом, С. А. Федоровой удалось представить наиболее полный на сегодняшний день генетический материал для изучения этногенеза саха и сделать важные выводы исторического характера на основе этих данных.

Подводя итоги нашего рассмотрения, выделим несколько основных моментов в историографии вопроса. Ранние исследователи (периода Российской империи), пересказывая сведения из фольклорных источников, связывали прародину саха с Саяно-Енисейским краем и территорией Прибайкалья. Язык и фольклор изучаемого этноса являлись основными источниками для исследователей данного периода. С современной научной позиции следует критически относиться к их концепциям, поскольку над ними довлело полное доверие к фольклорным сведениям и сообщениям информаторов – казакам и «промышленным» людям, побывавшим в Якутии, и грамотным представителям народа саха.

Начиная с трудов С. А. Токарева, где он предлагал искать местные корни этноса, не увлекаясь теорией образовавшегося на юге этноса, принято разделять якутских исследователей на сторонников местного и пришлого происхождения саха [1941; 1945]. Более фундаментально автохтонную теорию этногенеза саха разработал А. Н. Алексеев [1994; 1996].

В китайских летописях и орхонских рунических надписях сохранились сведения о гулиганиях-курыканах, обитавших на территории Прибайкалья с V–VII вв. Курыкан стали преподносить в качестве носителей курумчинской культуры Прибайкалья. В результате в советской науке утвердилась курыканская теория происхождения саха. Вместе с более подробным изучением археологии Прибайкалья на передний план выдвинулась связь якутской этнокультуры с усть-талькинской культурой XII–XIV вв., генетически связанной с кимако-кыпчакским этническим кругом. На территории Якутии также обнаруживаются погребения с конем, связываемые с проникновением групп кимако-кыпчакского происхождения. Генетические исследования в сочетании с новыми лингвистическими материалами также вносят новые аспекты в изучение старой проблемы.

По нашему же мнению, результаты анализа историографического аспекта изучаемой проблемы предполагают синтезированное происхождение якутского этноса – от слияния южных пришельцев с местными, автохтонными группами на территории средней Лены в XV–XVI вв. При этом южные мигранты могли прибывать отдельными группами в разное время. Выделяются носители этнонимов ураанхай, саха, боотулу, хоро, байагантай и тумат как имеющие этнических предков в южных регионах.

Список литературы

Алексеев А. Н. Древняя Якутия. Железный век и эпоха Средневековья. Сер.: История и культура Востока Азии. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. 95 с.

Алексеев А. Н. К вопросу о происхождении якутского народа: Сб. науч. тр. Серия: Филология. Якутск, 1994. С. 66–67.

Аристов Н. А. Заметки по этническому составу тюркских племен и народностей // Живая старина. 1896. Вып. 3–4. С. 329–335.

Бернштам А. Н. Заметки по этногенезу Северной Азии // СЭ. 1947. С. 61–65.

Бетлингк О. Н. О языке якутов. Новосибирск: Наука, 1990. 59 с.

Бравина Р. И. Погребальный обряд якутов: Учеб. пособие. Якутск, 1996. 230 с.

Гоголев А. И. Археологические памятники Якутии позднего средневековья (XIV–XVIII вв.). Иркутск, 1990. 192 с.

Гоголев А. И. Якуты (Проблемы этногенеза и формирования культуры). Якутск, 1993. 200 с.

Васильев Ф. Ф. Военное дело якутов. Якутск: Бичик, 1995. 224 с.

Дашибалов Б. Б. Истоки: от древних хори-монголов к бурятам. Очерки. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2003. 124 с.

Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М.: Наука, 1960. 600 с.

Иванов В. Н. Русские ученые о народах северо-востока Азии (XVII – начало XX в.). Якутск: Кн. изд-во, 1978. 320 с.

Кларк П. Виллюйск и его округ (Быт якутов и статистические сведения) // Записки Вост.-Сиб. отд-ния Импер. рус. геогр. об-ва. 1864. Кн. 7. С. 90–165.

Козьмин Н. Н. К вопросу о происхождении якутов-сахалар. Иркутск: Паровая типолитограф. Макушина и Посохина, 1928. С. 5–14.

Константинов И. В. Захоронения с коном в Якутии (новые данные по этногенезу

якутов) // По следам древних культур Якутии (Труды Приленской археологической экспедиции). Якутск, 1970. С. 196–197.

Константинов И. В. Материальная культура якутов XVIII века (по материалам погребений). Якутск: Кн. изд-во, 1971.

Константинов И. В. Происхождение якутского народа и ее культуры // Якутия и ее соседи в древности: Труды Приленской археологической экспедиции. Якутск: Изд. ЯФ СО АН СССР, 1975. С. 106–173.

Константинов И. В. Происхождение якутского народа и его культуры. 2-е изд., испр. Якутск: Бичик, 2003. 92 с.

Костров Н. А. Очерки юридического быта якутов // Записки ИРГО. 1878. Т. 8. Отд. 2. 43 с.

Кочнев Д. А. Очерки юридического быта якутов // Известия Общества археологии, истории, этнографии при Импер. Казанском ун-те. Иркутск, 1896. Т. 15, вып. 2. С. 21–29.

Ксенофонтов Г. В. Ураанхай-сахалар. Очерки по древней истории якутов. Якутск: Бичик, 1992. Т. 1, кн. 1. 412 с.

Кюннер Н. В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М.: Вост. лит., 1961. 281 с.

Линденау Я. И. Описание народов Сибири (первая половина XVIII века). Магадан: Кн. изд-во, 1983. 176 с.

Малолетко А. М. Древние народы Сибири. Этнический состав по данным топонимики. Томск: Томский гос. ун-т, 2004. Т. 3: Докаганатские тюрки. 292 с.

Миллер Г. Ф. Описание Сибирского царства. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. Кн. 1. 607 с.

Николаев В. С. Погребальные комплексы кочевников юга Средней Сибири в XII–XIV веках. Усть-Талькинская культура. Владивосток; Иркутск, 2004. 306 с.

Нимаев Д. Д. Монгольские народы: этническая история и современные этнокультурные процессы. Улан-Удэ, 2007. 146 с.

Остолопов Н. О происхождении, вере и обрядах якутов // Любитель словесности. 1806. Ч. 1. С. 118–147.

Ойунский П. А. Саха уоскуэбитэ // Чолбон. Якутск, 1928. № 5–6. С. 39–44.

Ойунский П. А. Якутская сказка, ее сюжет и содержание // Айымньылар. Якутск, 1962. Т. 7. С. 128–191.

Окладников А. П. История Якутской АССР. М.; Л.: Наука, 1955. Т. 1: Якутия до присоединения к Русскому государству. 295 с.

Петри Б. Э. Доисторические кузнецы в Прибайкалье (К вопросу о доисторическом прошлом якутов) // Известия народного образования в Чите. Чита, 1923. № 1. С. 1–39.

Полосьмак Н. В. Всадники Укока. Новосибирск: Инфолио-пресс, 2001. 336 с.

Румянцев Г. Н. Происхождение хоринских бурят. Улан-Удэ, 1962. 240 с.

Стрелов Е. Д. К вопросу о доисторическом прошлом якутов (По поводу брошюры проф. Б. Э. Петри) // Саха кэскилэ. 1926. Вып. 3. С. 5–25.

Сидоров Е. С. Этноним саха // Этническая ономастика. М., 1984. С. 39–43.

Токарев С. А. Происхождение якутской народности // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. М.; Л., 1941. Т. 9. С. 58–62.

Токарев С. А. Общественный строй якутов XVII–XVIII вв. Якутск: Якут. кн. изд-во, 1945. 414 с.

Троцанский В. Ф. Эволюция черной веры (шаманства) у якутов. Казань: Типо-литогр. Импер. ун-та, 1902. 185 с.

Убрятова Е. И. Историческая грамматика якутского языка. Якутск: Якут. кн. изд-во, 1985. 61 с.

Федорова С. А. Этногеномика коренных народов Республики Саха (Якутия): Автореф. дис. ... д-ра биол. наук. М., 2008а. 50 с.

Федорова С. А. Генетические портреты народов Республики Саха (Якутия): анализ линий митохондриальной ДНК и Y-хромосомы. Якутск: Изд-во ЯНЦ СО РАН, 2008б. 235 с.

Харинский А. В. Предбайкалье в конце I тыс. до н. э. – середине II тыс. н. э.: генезис культур и их периодизация. Иркутск, 2001. 198 с.

Харьков В. Н., Степанов В. А., Медведева О. А., Спиридонова М. Г., Максимова Н. Р.,

Ноговицина А. Н., Пузырев В. П. Происхождение якутов: анализ галлотипов Y-хромосомы // Молекулярная биология. 2008. Т. 42, № 2. С. 226–237.

Цыдендамбаев Ц. Б. Бурятские исторические хроники и родословные. Историко-лингвистическое исследование. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1972. 662 с.

Щукин Н. С. Поездка в Якутск. 2-е изд. СПб.: Тип. Деп. воен. поселений, 1844. 315 с.

Элерт А. Х. Новые материалы о пантеоне якутских божеств и духов в первой половине XVIII в. // Общественное сознание и литература XVI–XX вв. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2001. С. 107–124.

Этнографические материалы Северо-Восточной географической экспедиции 1785–1795 гг. / Сост. З. Д. Титова. Магадан: Магаданское кн. изд-во, 1978. 174 с.

Baron Maydell. Reisen und Forschungen im Jakutskischen Gebiet Ostsibiriens. Ostsibiriens in den Jahren 1864–1871, von Baron Gerhard Maydell. 2 Bd. Beitrage zur Kenntniss des Russ. Reiches, N. F. St. Petersburg, 1893–1896. Theil. 2. 454 S.

Johansen U. Die Ornamentik der Jakuten. Wegweiser zur Völkerkunde. Hamburg: Hamburgische Museum für Völkerkunde und Vorgeschichte, 1954. 250 S.

Radloff W. Die Jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Türksprachen // Abtheilung History, filol. Bd. 8. No 7. SPb.: Kaiserlichen Akad. der Wissenschaften, 1908. 86 S.

Strahlenberg Ph. J. Das Nord- und Östliche Theil von Europa und Asia. Stockholm, in Verlegung des Autoris, 1730. 373 S.

Материал поступил в редколлегию 12.01.2010

V. V. Ushnitskiy

HISTORIOGRAPHY OF SAKHA ETHNO-GENESIS: REVIEWING THE SCIENTIFIC HYPOTHESES AND VERSIONS

Historiography of the Sakha people's ethnogenesis study is more than three hundred years. Origin of Turkic-speaking cattle-breeders in the Far North was always of great interest for the foreign and home travelers. Pre-revolutionary historiography of the problem and folklore information together with oriental investigation was described in G. V. Ksenofontov's work «Uraangkhai sakhalar». Prominent scientists, famous turkologists V. V. Radloff, O. N. Bohtlingk, archeologist A. P. Okladnikov, ethnographers B. O. Dolgikh and S. A. Tokarev studied the Sakha people's ethnogenesis. Complex study of the theme was reflected in I. V. Konstantinov's and A. I. Gogolev's works which covered all complex of archaeological and ethnographic data on the Sakha people. The extensive historiography of the problem which includes the various tribal groups of Central Asia as ethnic ancestors of the Sakha allows use the various knowledge from the written sources. These data suppose the migrations of various ethnoses, bearers of ethnonyms Sakha – the Uraankhai, the Tumat, the Bootulu, the Bayağantai, the Khoro – from the territory of Baikal and South Siberia and their participation in the ethnogenesis of the Sakha people in the Middle Lena.

Keywords: origin of the Sakha, ethnogenesis, Yakutia archaeology, study of the Yakut language, historiography.